

разъ, съ тою же церемоніею подносили въ золотыхъ ковшикахъ красный медъ: государю по три ковшика, а боярамъ по одному. Наконецъ, подносили въ серебряныхъ ковшикахъ бѣлый медъ, а затѣмъ государь жаловалъ, иногда изъ своихъ рукъ, чапанами духовныхъ особъ. Когда оканчивались эти „прошальные чаши“, Государь съ патриархомъ оставались нѣкоторое время одни. Потомъ входили бояре, и патриархъ, вставъ съ мѣста, говорилъ опять „Достойно“ и „прощаніе“, т. е. прошальную молитву „Владыко многоступенствъ“ и благословлялъ государя и его свиту *.

Отъ патриарха царь шелъ въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри и въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ прощался у мощей и у гробовъ своихъ родителей.

Возвратившись затѣмъ во дворецъ, царь прощался съ „людьми у крюка“ (т. е. съ комнатными служителями), которые собирались для этого въ одной изъ пріемныхъ палатъ дворца. Затѣмъ къ царю являлись съ докладомъ о „колониальныхъ“, т. е. о преступникахъ, которые сидятъ уже много лѣтъ въ тюрьмахъ. Царь прощалъ тѣхъ изъ нихъ, которые не совершили никакихъ преступленій.

Обычай прощанія существуетъ и нынѣ, но онъ уже потерялъ прежнее свое значеніе и держится еще главнымъ образомъ только среди купечества и частью низшаго класса. Многие въ этотъ день ходятъ на кладбище прощаться съ покойниками. Въ Перехотъ въ прошлое воскресенье новобранцы воевать всѣмъ своимъ родственникамъ праники и получаютъ въ обмѣнъ отъ нихъ большіе куски мыла.

Въ прежнее время вечеромъ въ прощаній день запрещалось зажигать свѣчи и разводять огонь.

Въ простонародіи прошенье воспринимается какъ и „проводы“, т. е. то-есть проводы масленицы. Въ Ярославской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ центральной Россіи существуетъ обычай *сожиганія масленицы*, который заключается въ слѣдующемъ: въ городѣ или селѣ съжигаются нѣсколько сотъ подовъ и верховыхъ; послѣдніе наряжены въ соломенные колпаки и кафтаны. До вечера они разбѣгаютъ съ пѣснями по улицамъ, а вечеромъ, взявъ каждый по снопу соломы, сожигаютъ ее. Это и называется „сожиганіе соломенного мужа или масленицы“. Съ вѣроятностію можно заключить—говоритъ М. Заблужинъ,—что это обыкновение, существующее съ незапамятныхъ временъ, есть остатокъ отъ языческихъ грѣбъ и обрядовъ. Такой обрядъ существуетъ у нѣмцевъ славянъ, которые 1-го марта выносятъ изъ селенія соломенное чучело, въ образѣ смерти и сожигаютъ его, въ память усопшихъ или бросаютъ въ воду, какъ римляне въ мѣзъ бросали въ р. Тибръ тростниковые болванки **.

Въ старину хлѣбъ, оставшіяся отъ масленицы, считался поганымъ и не употреблялся для пищи. Это похоть до сихъ поръ существуетъ у староверовъ, которые даже посуду мыливаютъ посѣдъ масленицы и осыпляютъ комъ *.

* Правит. Вѣстн. 1893 года, № 23.

** М. Заблужинъ, „Очеркъ его быта, обрядовъ, преданій, суевѣрій и поэзіи“, стр. 43.

КАРНАВАЛЬ ВЪ НИЦЦѢ.

Не разъ бывала я въ Ниццѣ, и въ разныя времена года; совершенно неожиданно пошла я сюда на карнавалъ и ни когда не ожидала, чтобы именно здѣсь и познакомилась съ настоящимъ итальянскимъ карнаваломъ, доброго старика времени. Да, я поняла здѣсь необузданное ослѣпленіе гуляющей толпы, одуряющую и одуряющую, а подчасъ и дикую веселость цѣлаго народонаселенія, высыпавшаго на улицы встрѣчать свой карнавалъ, „le bonhomme saguaval“, възбуждающей въ городѣ на чудовищной колесницѣ, внутри которой, въ нотахъ самого карнавала, помѣщались многочисленный хоръ музыкантовъ, разученные ряженцы; самъ же карнавалъ, громадныхъ размѣровъ кулакъ, въ старинномъ французскомъ костюмѣ, съ глумливымъ лицомъ, съ широко улыбающейся и пылающей яркимъ румянцемъ—поворачивалъ вправо и влѣво свою огромную голову въ треугольн. радостно приветствуя шумную толпу и дружески кивая. Впереди колесницы и за нею ѣхала наряженная свита на коняхъ, съ закованными фалками въ рукавахъ, такъ какъ въездъ совершался вечеромъ, и громко ликовала въѣздъ съ пестрою толпою, при фантастическомъ свѣтѣ бенгальскихъ огней, что представляло по истинѣ картинное зрѣлище.

На слѣдующій день, по программѣ, была битва конфетъ (bataille des confetti).

Въ давнопрошедшія времена, въ Италиію особенно въ Венецію и Неаполь, это была дѣйствительно битва конфетъ, т. е. забрасываніе другъ друга мелкими конфетами, теперь же, въ нашъ вѣкъ холоднаго разума и строгой практичности, confetti замѣнены горючими изъ известнаго, тоже что въ Миланѣ coriandoli; и этими-то известными горючими ожесточенно забрасываютъ другъ друга, доводя эту глупую шутку до непереносимой и вредной крайности, такъ какъ главная прелесть карнавала состоитъ въ ловлѣ беззащитныхъ и плохо замаскированныхъ, которымъ захватываютъ эту драку за воротъ, въ уши, подъ маску; извѣстъ заходить въ глаза, въ горло, и нѣкоторымъ приходится дорого заплатить за удовольствіе участвовать въ карнавалѣ; незнакомые съ этой потѣей или не вошед-

шавшіе въ Петербургъ и Москвѣ купили и мѣшане посѣдъ масленицы „полюютьъ ротъ“, т. е. опохмѣляются на первой недѣлѣ поста, а въ субботу на этой недѣлѣ несутъ постные блины. Этотъ обычай называется у нихъ „тушкой“ или масленицѣ... А. Эль.

НѢ ПОРТЕТУ Н. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

Въ „Южномъ Краѣ“, уже не разъ говорилось о г. Преображенскомъ, какъ о пѣвцѣ и актѣрѣ, поэтому мы считаемъ излишнимъ снова дѣлать характеристику даровитого артиста, красивый голосъ, изящное пѣніе и отчетливая игра которого доставили Харьбовской публикѣ столько удовольствія. Мы ограничимся общими главными биографическими свѣдѣніями о немъ.

Николай Алексѣевичъ Преображенскій, сынъ священника, родился въ 1857 году, окончилъ курсъ въ Петербургской семинаріи, музыкальное же образование получилъ въ Петербургской консерваторіи (по классу И. А. Мельникова), въ которой учился около 2 1/2 лѣтъ. Слѣпчаное поприще г. Преображенскій началъ въ опереточныхъ труппахъ. Въ нихъ онъ пѣлъ два года, при чемъ послѣдній годъ пѣлъ въ Петербургѣ. Отсюда онъ уѣхалъ въ Италию, гдѣ и брать уроки пѣнія у профессора Болонской консерваторіи А. Бузи. За границею г. Преображенскій пѣлъ: въ Корфу (въ городскомъ театрѣ), въ Александріи (въ театрѣ Диваніи), въ Каирѣ (въ городскомъ театрѣ), въ Флоренціи, въ Болоньи, въ Падуѣ (въ театрѣ Верди) и въ Триестѣ. По возвращеніи въ Россію г. Преображенскій былъ приглашенъ въ Москву, на Императорскую сцену, въ русскую оперу, въ которой и прослужилъ пять лѣтъ (1888—1893 г.г.) въ качествѣ перваго тенора. Въ теченіе всего этого времени онъ пѣлъ на своихъ клѣткахъ весь оперный репертуаръ и пѣлъ въ „Гугенотхъ“, „Африканкѣ“, „Отелло“, „Трубадурѣ“, „Карольдѣ“, „Лоэнгрина“, „Робертъ-Дьяволъ“, „Баль-Маскарадъ“, „Фаустъ“, „Жизнь за царя“, „Жидовъ“, „Аидъ“, „Феллетъ“, „Паяцка“ и т. д. Зимній сезонъ 1893—94 г. г. Преображенскій провелъ у насъ, въ Харьковѣ. Въ оперномъ театрѣ коммерческаго клуба онъ пѣлъ въ „Русалкѣ“ (князя), въ „Пророкѣ“ (Юанна Лейденскаго), въ „Паяцкѣ“ (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Въ текущемъ сезонѣ не разъ бывали случаи перехода русскихъ людей въ римскій католицизмъ. Свѣдѣнія, Мартиню, Гагарину и т. д. и т. д. эти имена всѣмъ извѣстны такъ же, какъ и причины, побуждавшія ихъ отступиться отъ православія. Лучезарный блескъ западно европейской цивилизации, „духовная жажда“, не удовлетворенная на родинѣ вслѣдствіе совер-

шенной отчужденности отъ народа и Церкви; случайное объясненіе съ умными и убѣжденными поклонниками Ватикана—вотъ что обыкновенно дѣлало нашихъ соотечественниковъ отступниками отъ вѣры дѣдовъ и отъ цѣркви. Г-жа Исинская сообщаетъ одинъ случай, изъ котораго видно, что иногда дѣло объяснялось гораздо проще—изумительнымъ легкомысліемъ и совершенно безразличіемъ, чисто невѣжественнымъ отношеніемъ ко всѣмъ религиознымъ вопросамъ. Г-жа Исинская рассказываетъ, какъ одна русская барышня перешла въ католицизмъ буквально ни съ того, ни съ сего,—ради минутнаго каприза и ребяческой шалости. Что представляетъ собою рассказъ г-жи Исинской—автобиографическій очеркъ, рядъ сценъ и картинокъ, списанныхъ съ натуры, или беллетристическій „вымыселъ“—мы судить объ этомъ не беремся. Для насъ важно только одно: онъ написанъ живо и талантливо, его дѣйствующие лица ни мало не походятъ на манекеновъ, въ ихъ поступкахъ нѣтъ чего неправоподобнаго, героиня обрисована такъ хорошо, что читатель точно видитъ ее своими глазами. Въ виду всего этого рассказъ г-жи Исинской имѣетъ значеніе одного изъ тѣхъ „документовъ“ человеческой жизни“, которымъ Зола придаетъ такое громадное значеніе. Остановимся-же на этомъ „документѣ“. Огъ заслуживаетъ того, ибо прекрасно объясняетъ причины цѣлаго ряда такихъ явленій, которыя съ перваго раза могутъ поставить въ тупикъ, хотя и объясняются со всею ясностію нѣлкимъ воспитаніемъ и политическимъ невѣжествомъ въ области религіозной и философскаго міровоззрѣнія.

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Интересный случай.

За монастырскими стѣнами (изъ признаній рenegатки) А. В. Исинской (Новое Слово, 1894 года, № 2, стр. 36).

Въ текущемъ сезонѣ не разъ бывали случаи перехода русскихъ людей въ римскій католицизмъ. Свѣдѣнія, Мартиню, Гагарину и т. д. и т. д. эти имена всѣмъ извѣстны такъ же, какъ и причины, побуждавшія ихъ отступиться отъ православія. Лучезарный блескъ западно европейской цивилизации, „духовная жажда“, не удовлетворенная на родинѣ вслѣдствіе совер-

шенной отчужденности отъ народа и Церкви; случайное объясненіе съ умными и убѣжденными поклонниками Ватикана—вотъ что обыкновенно дѣлало нашихъ соотечественниковъ отступниками отъ вѣры дѣдовъ и отъ цѣркви. Г-жа Исинская сообщаетъ одинъ случай, изъ котораго видно, что иногда дѣло объяснялось гораздо проще—изумительнымъ легкомысліемъ и совершенно безразличіемъ, чисто невѣжественнымъ отношеніемъ ко всѣмъ религиознымъ вопросамъ. Г-жа Исинская рассказываетъ, какъ одна русская барышня перешла въ католицизмъ буквально ни съ того, ни съ сего,—ради минутнаго каприза и ребяческой шалости. Что представляетъ собою рассказъ г-жи Исинской—автобиографическій очеркъ, рядъ сценъ и картинокъ, списанныхъ съ натуры, или беллетристическій „вымыселъ“—мы судить объ этомъ не беремся. Для насъ важно только одно: онъ написанъ живо и талантливо, его дѣйствующие лица ни мало не походятъ на манекеновъ, въ ихъ поступкахъ нѣтъ чего неправоподобнаго, героиня обрисована такъ хорошо, что читатель точно видитъ ее своими глазами. Въ виду всего этого рассказъ г-жи Исинской имѣетъ значеніе одного изъ тѣхъ „документовъ“ человеческой жизни“, которымъ Зола придаетъ такое громадное значеніе. Остановимся-же на этомъ „документѣ“. Огъ заслуживаетъ того, ибо прекрасно объясняетъ причины цѣлаго ряда такихъ явленій, которыя съ перваго раза могутъ поставить въ тупикъ, хотя и объясняются со всею ясностію нѣлкимъ воспитаніемъ и политическимъ невѣжествомъ въ области религіозной и философскаго міровоззрѣнія.

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

Рассказъ г-жи Исинской ведется отъ лица „рenegатки“. „Рenegатка“—бѣлая молодка, неопытная и непостоянная—

En quel point al vento. Ея покойный отецъ былъ полякъ. Она находилась подъ опекой, и опекуны, повидимому, ни въ чемъ не стѣснялись. Невадною передъ тѣмъ, такъ она начинала свое похвощиваніе, ушла въ кружескитное плаваніе одинъ корветъ и унесъ мѣшана съ синими глазами и черными рѣсницами... Корветъ оставилъ такую пустоту въ Петербургѣ, что я уговаривала опекуна позволить мнѣ ѣхать за границу, въ Палацка (Каніо), въ „Африканкѣ“ (Васко-де-Гама), въ „Трубадурѣ“ (Манрико), въ „Гугенотхъ“ (Раула), въ „Баль-Маскарадѣ“ (губернатора), въ „Жидовѣ“ (Елеазара) и въ „Отелло“ (Отелло).

